

УДК 32:330.342.152(516)

СТЕПНОЙ КРАЙ И ТУРКЕСТАН В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИКИ «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА» И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЙ (1918–1922 гг.)*

Ю.А. Лысенко¹, Ж.О. Омурова²

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,

²Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына,

Бишкек, Кыргызская Республика,

e-mail: iulia_199674@mail.ru, temir2006@mail.ru

Выявляются особенности реализации в центральноазиатских окраинах России — Степном крае и Туркестане политики «военного коммунизма», проводившейся большевиками в период Гражданской войны 1918–1920 гг. В результате проведенного анализа удалось определить, что политика «военного коммунизма» в данном регионе осуществлялась в русле общероссийских тенденций. Она представляла совокупность мероприятий советской власти в сфере промышленности, сельского хозяйства, социальных отношений, направленных на милитаризацию производства и обеспечение боеспособности Красной армии. Особенности реализации политики «военного коммунизма» в Степном крае и Туркестане определялись экономической отсталостью региона и характером боевых действий на Восточном и Туркестанском фронтах. К числу данных особенностей нужно отнести: более позднее, чем в целом по России, включение Степного края и Туркестана в процесс реализации мер «военного коммунизма», их распространение как на русское, так и коренное население, более жесткие формы и методы реализации военно-коммунистического строительства. Следствием политики «военного коммунизма» в Степном крае и Туркестане стало падение производства, особенно в аграрном секторе экономики, голод 1920–1921 гг., повлекший демографические потери населения, массовую миграцию кочевых народов за пределы страны, повсеместные крестьянские антибольшевистские выступления и сопротивление коренного населения в форме басмачества.

Ключевые слова: Гражданская война, военный коммунизм, Степной край, Туркестан, национализация, милитаризация, продрозверстка, трудовая мобилизация.

* Публикация подготовлена при поддержке РФФИ, проект 17-81-01007-ОГН ОГН-ГР_ВОЙНА-А «Социально-политические процессы в Степном крае и Туркестане в период Гражданской войны (1918–1922 гг.) и их отражение в исторической памяти населения постсоветских государств Центральной Азии».

STEPPE AND TURKESTAN IN THE CONDITIONS OF POLICY OF “MILITARY COMMUNISM” AND HER CONSEQUENCES (1918–1922)

Yu.A. Lysenko¹, Zh.O. Omurova²

¹Altai State University, Barnaul, Russia,

²Kyrgyz National University of Zh. Balasagyn, Bishkek, Kyrgyz Republic,
e-mail: iulia_199674@mail.ru, temir2006@mail.ru

In article features of realization of policy of “military communism” in the Central Asian suburbs of Russia — Steppes and Turkestan, carried out by Bolsheviks during civil war of 1918–1922 come to light. As a result of the carried-out analysis it was succeeded to define that the policy of “military communism” in this region was carried out in line with the all-Russian tendencies. She represented set of actions of the Soviet power in the sphere of the industry, agriculture, the social relations directed to militarization of production and ensuring fighting capacity of the Red Army. Features of realization of policy of “military communism” in Steppes and Turkestan were defined by economic backwardness of the region and the nature of combat operations in East and Turkestan fronts. It is necessary to refer to number of these features: more later, than in general across Russia, inclusion of Steppes and Turkestan in process of implementation of measures of “military communism”, their distribution, as on the Russian, and indigenous people, more rigid forms and methods of realization of military and communistic construction. Production falling, especially in the agrarian sector of economy, the hunger of 1920–1921 which has entailed demographic losses of the population, mass migration of the nomadic people out of borders of the country, universal peasants anti-Bolshevist uprisings and resistance of indigenous people in the form of the Basmachi movement became a consequence of policy of “military communism” in Steppes and Turkestan.

Keywords: *civil war, military communism, Steppes, Turkestan, nationalization, militarization, surplus-appropriation system, labor mobilization.*

Введение

Начавшаяся в России весной 1918 г. Гражданская война вызвала необходимость мобилизации всех материальных ресурсов и продовольствия для установления новых форм их распределения среди населения и обеспечения боеспособности Красной армии. Для решения данной задачи партийно-советские органы государственной власти приступили к реализации серии чрезвычайных мер в социально-экономической сфере, получивших в историографии название политики «военного коммунизма».

Основными ее составляющими стали национализация промышленности, свертывание товарно-денежных отношений, введение всеобщей трудовой повинности, милитаризация труда, запрещение частной торговли продовольствием. Важней-

шим элементом натурализации производственных отношений в сельском хозяйстве принято считать продовольственную разверстку, введенную декретом СНК РСФСР от 11 января 1919 г. Ему предшествовали декреты ВЦИК и СНК от 13 и 27 мая 1918 г., узаконившие государственную монополию хлебной торговли (Декреты..., 1968: 292–294).

Обсуждение

В российской историографии 30–80 гг. XX в. события гражданской войны в России 1918–1920 гг. освещались в рамках ленинской теории социальной революции. В связи с этим в исследованиях, посвященных анализу политики «военного коммунизма», господствующим являлся тезис о том, что «красногвардейская атака на капитал» в Степном крае и Туркестане была неразрывно связана с процессом установления советской власти в регионе. Аграрная политика периода «военного коммунизма», характеризовавшаяся практикой введения продовольственной монополии и продразверстки, признавалась вынужденной, эффективной и оправданной мерой большевистского правительства. Ее законность определялась классовым подходом при реализации хлебо— и мясозаготовительных кампаний, выполнении населением трудовой повинности, что вполне отвечало логике построения государства диктатуры пролетариата (Елагин, 1966; Кунин, 1976; Нуриллин, 1975; Яковенко, 1974). Таким образом, практически все советские историки не только всячески идеализировали «военный коммунизм», но фактически уходили от любых объективных оценок основных итогов и последствий данной разрушительной экономической политики большевиков в годы Гражданской войны.

В современной российской историографии комплекс социально-экономических преобразований советского правительства в период Гражданской войны оценивается крайне критически. Исследователями подчеркивается, что основные элементы политики «военного коммунизма» большевики заимствовали из практического опыта кайзеровской Германии и Российской империи периода Первой мировой войны и что данная политика представляла собой совокупность мер, связанных с трансформацией не только социально-экономической, но и политической системы страны. Ее следствием стало формирование основы командно-административной системы, которая окончательно оформилась во второй половине 1930-х гг. (Кабанов, 1988; Павлюченков, 1997).

Результаты

Политика «военного коммунизма» в Степном крае и Туркестане осуществлялась в русле общероссийских тенденций. Ее начало было связано с национализацией промышленности, законодательную основу которой заложил декрет СНК РСФСР от 28 июня 1918 г. «О национализации промышленности». В Степном крае и Туркестане национализация промышленных объектов началась весной 1918 г. в условиях жесточайшей разрухи, истощения внутренних ресурсов и огромного дефицита в региональном бюджете, ставших следствием четырехлетней Первой мировой войны. Данную ситуацию усугубил факт отсутствия прочных политических и экономических связей региона с центром, обусловленный военными событиями

Гражданской войны. Все это придало процессу национализации промышленности Степного края и Туркестана, впрочем, как и реализации всей системы мер политики «военного коммунизма», стихийность и неуправляемый характер. В некоторых конкретных случаях процесс экспроприации частного имущества в промышленной сфере, по мнению ряда исследователей, принимал вид «карательной акции, носившей репрессивный характер» (Медеубаев, 2001: 76–77).

В Степном крае юридической основой национализации крупнейших промышленных компаний — «Акционерного общества Спасских медных руд», «Акционерного общества Атбасарских медных копий», золотодобывающих «Русско-Азиатской корпорации», «Киргизского» и «Риддерского» акционерных обществ, созданных на рубеже XIX–XX вв. исключительно при участии иностранного капитала, стало Постановление СНК РСФСР от 11 мая 1918 г. «О национализации и финансировании Западно-Сибирских копей и предприятий» (КПСС и Советское..., 1978: 20). Однако его реализация была прервана событиями Гражданской войны в регионе — к лету 1918 г. большая часть территории Акмолинской и Семипалатинской губерний перешла под контроль Временного сибирского правительства Колчака. Вплоть до осени 1919 г. большинство предприятий Степного края приостановили свою деятельность из-за военных действий. Это влекло за собой падение уровня производства, разрушение созданной инфраструктуры (прежде всего, железных дорог), сокращение и без того незначительного количества промышленных рабочих региона (Медеубаев, 2001: 80).

Возвращение территорий Степного края под контроль большевиков осенью 1919 г. не изменило кардинально ситуации на национализированных предприятиях. Главная проблема, с которой столкнулись совнархозы и ревкомы, — выезд из страны или переход на сторону белого движения иностранных специалистов горнорудной и добывающей промышленности, работавших в регионе до начала Гражданской войны. Мотивацией к таким действиям стала открытая травля технической интеллигенции как со стороны советских органов, так и со стороны рабочих предприятий.

Кроме этого, устойчивому и поступательному экономическому развитию национализированных предприятий мешала логика «военного коммунизма», исключавшая инициативу и насаждавшая командно-бюрократические методы в ее управлении. Централизация управлением промышленностью привела к объединению предприятий отдельных отраслей экономики Степного края в рамках единого главка. После образования КазАССР в октябре 1920 г. в структуре Казахского промышленного бюро, являвшегося региональным подразделением ВСНХ РСФСР, было создано семь главков: Казахский комитет горной промышленности, Казтекстиль; Авторбюро; Казахский краевой транспортно-материальный отдел; Казахский лесной комитет; Казахский краевой жиротдел; Казахский краевой комитет государственных сооружений. Централизованным распределением сырья и готовой продукции в условиях уничтожения рынка и денежных отношений стал Совет снабжения и распределения при Казпромбюро (ЦГА РК. Ф. 138. Оп. 1. Д. 22. Л. 73). В результате национализации горной промышленности — предприятий Восточного и Центрального Казахстана — в распоряжение Центрального совнархоза КазАССР перешло 70 предприятий с числом рабочих и служащих около 8150 человек.

В Туркестанской АССР руководящим органом по планомерному регулированию производства в масштабах республики, управлению экономикой стал Центральный Совет Народного Хозяйства (ЦСНХ), созданный на основе приказа Совета Народных Комиссаров Туркеспублики 22 марта 1918 г. Ему также были предоставлены полномочия по конфискации, реквизиции и национализации различных отраслей промышленности.

Начавшаяся Гражданская война и неудачи Красной армии на ее начальном этапе потребовали введения более жестких мер по управлению экономикой региона. С этой целью на VI съезде Советов Туркестанской АССР (октябрь 1918 г.) было объявлено о создании ряда отраслевых органов по руководству и мобилизации сил на укрепление тыла — Директорий. Так, 12 сентября 1918 г. была учреждена Директория по топливу, для руководства учетом запасов продовольствия, заготовкой и его распределением при СНК Туркеспублики в октябре 1918 г. была создана Продовольственная директория (Иноятов, 1984: 141).

Национализация крупных промышленных предприятий и предприятий кустарного и полукустарного типа в Туркестане в основном завершилась к осени 1919 г. — значительно быстрее, чем в целом по стране. Уже в октябре 1918 г. в собственность государства перешли все каменноугольные копи, а в начале января 1919 г. были национализированы со всеми запасами топлива и имущества 40 нефтяных контор, в числе которых «Братья Нобель», «Закаспийское товарищество», «Мазут», «Ш. Асадуллаев», К.Х. Мирзаев» и т.д. Все они были переданы в Директорию по топливу. Осенью 1918 — весной 1919 гг. была проведена национализация металлообрабатывающих предприятий региона. Всего к концу Гражданской войны в собственности государства находилось 144 туркестанских предприятия данной отрасли промышленности с числом трудящихся 1562.

21 февраля 1919 г. был издан приказ ЦИК Туркеспублики о национализации шерстяной промышленности. Для объединения и руководства отраслью при эксплуатационном отделе Центрального Совета Народного Хозяйства учреждалась секция шерстяной промышленности, в ведение которой переходили все национализированные фирмы отрасли. В этот период национализацией были охвачены остальные отрасли легкой и пищевой промышленности ТуркАССР. К 1 января 1921 г. их общая численности в собственности государства составила 1175 предприятий (Иноятов, 1984: 156).

Одним из направлений политики «военного коммунизма» стало введение продовольственной диктатуры и планово-распределительной системы сельскохозяйственных заготовок. Согласно изданному ВЦИК РСФСР Декрету от 9 мая 1918 г. «О предоставлении Наркомпроду чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими» и Декрету от 27 мая 1918 г. «О реорганизации Наркомпрода и продовольственных органов» в стране была введена хлебная монополия. Советское правительство обязало всех владельцев хлеба в недельный срок заявить об излишках сверх количества, необходимого для посева и личного потребления по установленным нормам до нового урожая. Крупные владельцы, имевшие излишки хлеба и не вывозящие его на ссып-

ные пункты, объявлялись врагами народа, предавались суду военного трибунала, которому предоставлялось право лишать свободы более чем на 10 лет с конфискацией имущества и выселением за пределы области и губернии. Декрет призывал беднейшее и среднезажиточное крестьянство «к немедленному объединению для беспощадной борьбы с кулаками».

В августе 1918 г. СНК и ВЦИК РСФСР принял пакет новых нормативных актов, которые знаменовали собой создание целой системы чрезвычайных мер по изъятию зерна в пользу государства. Утвержденный в октябре 1918 г. ВЦИК и СНК РСФСР декрет «Об обложении сельских хозяев натуральным налогом в виде отчисления части сельскохозяйственных продуктов», по мнению отечественных исследователей, знаменовал собой отказ от «нормальной» системы налогообложения и переход к системе «чрезвычайного» налогообложения, построенной по классовому принципу (Бордюгов, Козлов, 1991: 49-67; Кабанов, 1988). «Крестовый поход» на кулака и деревенского мироеда, объявленный этим декретом, с восторгом был встречен не только деревенской беднотой, но и подавляющей массой среднего российского крестьянства, численность которого составляла более 65% всего сельского населения страны.

Чрезвычайные меры в аграрном секторе экономики, связанные с продовольственной монополией, в областях Степного края были введены раньше, чем в целом по стране. Так, еще 29 ноября 1917 г. в Омске состоялся экстренный Экономический съезд большевиков Сибири. По его итогам был учрежден Краевой экономический совет и Краевой продовольственный комитет, объединивший продовольственные организации восьми областей и губерний — Семипалатинской, Акмолинской, Тургайской, Оренбургской, Томской, Алтайской, Енисейской и Урала. Съезд также отменил все частные сделки по хлебу и ввел хлебную монополию. 2 декабря 1917 г. состоялся III Краевой съезд Советов Западной Сибири, на котором присутствовали делегаты от Семипалатинской, Акмолинской, Тургайской областей и Оренбургской губернии. На съезде была принята резолюция о сохранении хлебной монополии, установлении твердых цен на все предметы первой необходимости (Тугов, 1962: 68–69).

Дальнейшая реализация продовольственной монополии советской власти в Степном крае была связана с созданием региональных продовольственных отделов. В период с декабря 1917 по май 1918 г. они были сформированы фактически во всех губерниях, областях и уездах Степного края. Однако их практическая деятельность была приостановлена начавшейся Гражданской войной и потерей большевиками контроля над большей территорией Степного края.

После успехов Красной армии на Восточном фронте и освобождения значительной части Степного края от белоказаков и армии Колчака — с ноября 1919 г. вплоть до образования КазАССР в 1920 г. — Акмолинская и Семипалатинская губернии находились в подчинении Сибирского ревкома. Под его руководством в регионе проводились хлебные заготовительные кампании 1919–1920 гг. С марта 1920 г. согласно декрету СНК РСФСР «Об обязательной поставке скота на мясо» в Степном крае была введена обязательная годовая поставка мяса, в том числе для казахского

населения. Ст. 11 Декрета предусматривала репрессивные меры за саботирование разверстки в виде «лишения выдачи товаров, причитающихся в порядке распределения, реквизиции подлежащего скота с понижением его стоимости против твердых цен, ареста виновных и предания их суду реввоен трибунала» (ЦГА РК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 6. Л. 13–13об.). Всего по Семипалатинской, Акмолинской, Тургайской и Уральской областям за период реализации мер военного коммунизма удалось собрать до 50 млн пудов хлеба и около 30 млн пудов мясных продуктов; из них отправлено в промышленные центры страны до 40 млн пудов хлеба и мяса (Тугов, 1962: 82).

С момента образования Казахской АССР в октябре 1920 г. вопросами разверстки, изъятыми из компетенции Сибревкома, стал заниматься республиканский Народный комиссариат продовольствия. Однако, как отмечает Е.И. Медеубаев, КазНПК «отводилась лишь роль организатора системы продорганов в КазАССР и руководство исключительно организационной стороной дела, как, например, сбор необходимых статданных об экономическом состоянии губерний, разработка плана заготовки сырья и продовольствия на территории республики. Непосредственно же сбором и заготовкой продовольствия в крае занимались представители НКП РСФСР» (Медеубаев, 2001: 27–28). Таким образом, можно говорить о неурегулированности взаимоотношений между КазНПК и НКП РСФСР. Последний отдавал распоряжения непосредственно губернским продовольственным комитетам, минуя республиканский Наркомпрод, что порождало простор для произвола и разгула беззаконий и сводило компетенции КазНПК фактически к нулю.

В целом следует отметить, что сопоставление данных заготовок хлебофуража и валового сбора хлебов в 1916–1917 гг. и 1920–1921 гг. в Степном крае — Акмолинской и Семипалатинской областях — позволяет утверждать, что по сравнению с 1916–1917 гг. в 1920–1921 гг. валовый сбор хлеба и в областях региона упал почти вдвое, с 100 860 тыс. пудов до 48 339 тыс. пудов. При этом тяжесть обложения усилилась почти вдвое — с 12,7% до 21,1%. Аналогичная ситуация складывалась в Оренбургско-Уральском районе. К октябрю 1921 г. план продрозверстки здесь был выполнен в следующих размерах: хлеб — 5%, крупа — 0,6%, крупнорогатый скот — 30%, овощи — 5%, свиньи — 3%, сено — 8,5% (Медеубаев, 2001: 33).

В Туркестане реализация продовольственной диктатуры и планово-распределительной системы сельскохозяйственных заготовок, по оценке исследователей, приняла еще более экстремистский характер. В условиях Гражданской войны регион вплоть до осени 1919 г. оставался отрезанным от политического центра страны — Петрограда. Прерванное железнодорожное сообщение исключало возможность поставок продовольствия в регион и снабжения местных военных подразделений Красной армии. Земельные угодья Туркестана в течение второй половины XIX — начала XX в. были переведены под выращивание технических культур, прежде всего хлопка, что было связано с интеграцией экономики региона в общеимперское пространство и необходимостью обеспечения текстильной отрасли Российской империи сырьем. Хлопковые посевы вытеснили посевные площади, занятые под продовольственные культуры. Дефицит собственного хлеба в 1917 г. составил 58 млн пудов (Нуруллин, 1975: 11).

С введением в мае 1918 г. правительством РСФСР хлебной монополии ЦИК и СНК ТурАССР стали проводить заготовку хлеба на основе процентного отчисления урожая. При этом применялся дифференцированный подход к обложению, тем самым применялся классовый принцип. Однако ухудшение продовольственного снабжения в Туркестане в связи с началом военных действий в регионе вынудило Советскую власть сделать акцент на административно-принудительных методах его решения. Положением, принятым 15 июня 1918 г., СНК Туркеспублики монополизировал продовольственное дело в крае, создав соответствующий орган — Продовольственную директорию. Согласно постановлению, вместо Краевого продовольственного отдела вводилась Директория, вся власть и ответственность за ведение продовольственного дела возлагалась на трех комиссаров продовольствия (Иностранная военная..., 1963: 45).

Полномочия Директории распространялись за пределами Туркестана — ее представители вели монополизированные заготовки даже в Сибири. К концу сентября 1918 г. в распоряжение Директории с Северного Кавказа, Сибири, Тургайской области Степного края поступило около 2 млн пудов хлеба. Однако с осени этого года из-за военных действий и потери большевиками власти на большей территории Степного края внешние хлебозаготовки за пределами Туркестана фактически прекратились.

В рамках выполнения декрета СНК РСФСР от 11 января 1919 г. ТурЦИК 4 июня 1919 г. принял постановление о введении в республике подраверстки «в целях срочной поставки хлеба для нужд Красной армии и бесхлебных районов». В рамках его выполнения в Туркеспублике на учет был взят весь наличный хлеб урожая 1919 г. и прошлых лет, а также данные о размерах посевных площадей и крестьянских хозяйств, количество засеянных хлебов, предполагаемая к засеву в 1920 г. площадь яровых и озимых посевов, количество рабочего скота в хозяйстве. Все укрывающие хлебные запасы объявлялись врагами республики с преданием их суду революционного трибунала. Наказанием для виновных устанавливалось «тюремное заключение с принудительными работами и как последствие осуждения — конфискация имущества и изгнание из общества».

Однако ужесточение государством административно-принудительных мер, направленных на выполнение показателей хлебозаготовок, вызывало волну недовольства у коренного и русского старожильческого населения, крестьян-переселенцев. Так, в Ферганской области попытка введения хлебной монополии послужила причиной массового ухода дехкан в отряды басмачей. Подраверстка, в неполном объеме проведенная в отдельных уездах Сырдарьинской области и в незанятых белогвардейцами районах Семиречья, среди переселенческого русского населения также вызвала массовые акции протеста.

В создавшихся условиях Семиреченский облисполком 25 августа 1919 г. официально разрешил продавать все продукты на рынках области по установленным ценам. 18 октября 1919 г. ТуркЦИК открыл все базары для торговли, а 1 декабря этого года им была официально разрешена торговля хлебом. В Закаспийской области попытки введения государственной монополии на продажу хлеба после в 1919 г.

также успехов не имели. Таким образом, региональные и партийные органы власти вынуждены признать, что «хлебная монополия в Туркестане по целому ряду причин местного характера и вне зависимости от населения не осуществлена» (Иноятов, 1984: 276–277).

Решение данной проблемы виделось большевиками в ужесточении административно-принудительных мер. Урегулирование и упорядочение экономики Туркестана, в том числе в продовольственной сфере, была призвана осуществить направленная в Туркестан из Москвы в конце 1919 г. Туркомиссия ВЦИК во главе с М.В. Фрунзе. Ее военкоммунистический путь решения продовольственной проблемы выразился в введении в состав Туркестанского краевого комиссариата продовольствия Особой продовольственной комиссии Туркестанского фронта и принятия целой серии декретов, которые составили законодательную базу в области региональной продовольственной политики (ЦГА РК. Ф. Р-849. Оп. 1. Д. 25. Л. 24, 25). На основании данных декретов в ТуркАССР началось проведение продовольственных заготовок на основе важнейшего элемента политики «военного коммунизма» — разверстки. Областные и уездные ревкомы создавали дополнительные структуры — продовольственные борю и продотряды. В результате деятельности Туркомиссии и руководимых ею продорганов республики к осени 1920 г. оказались монополизированы все виды продовольствия в крае, сады, огороды, виноградники, пасеки и т.д. Помимо зерновых, план заготовок предполагал сбор травного фуража, мясных продуктов, овощей, сушеных фруктов.

По данным источников продразверстка проводилась в ТурАССР бессистемно, в условиях отсутствия четкого поуездного и пообластного плана и учета местных условий, не учитывалась реальная экономическая ситуация в регионах края, уровень состояния крестьянских и скотоводческих хозяйств. Фиксировались случаи отхода реквизиционных отрядов от классового принципа, когда поддерживались хозяйства «богатых крестьян», а у бедных, напротив, реквизировали внеплановые «излишки» (ЦГА РК. Ф. Р-849. Оп. 1. Д. 15. Л. 18). В некоторых уездах Семиреченской и Сырдарьинской областей налог собирался с казахского и киргизского населения — участников восстания 1916 г., вернувшихся из Китая и освобожденных специальным постановлением ТурЦИК от разверстки. Следует также отметить кадровую проблему, имевшую место в продотрядах, малограмотность, бесхозяйственность и равнодушие их сотрудников. Это приводило к порче изъятых продуктов, гибели реквизированного скота.

Осуществлять хлебные реквизиции и продразверстку были призваны военно-продовольственные отряды, которые формировались в ТуркАССР и в Степном крае Комитетами продовольствия по классовому принципу — из мобилизованных рабочих, представителей беднейшего населения и «представителей трудового коренного населения» (Иностранная военная..., 1964: 576-577). Наиболее «перспективными» с точки зрения реализации классовых установок Советской власти в деятельности продотрядов должны были стать «русские колонизаторские районы». В инструкциях, выдаваемых продотрядам, подчеркивалось, что они «должны обращать особое внимание на то, чтобы не затронуть интересы кишлачной и сель-

ской бедноты, входя в рассмотрение экономического положения деревни и оказывая всякое содействие беднейшим слоям». Отрядам, работающим в деревне, рекомендовалось проводить агитационную и разъяснительную работу среди беднейшего населения деревни, создавать его Комитеты бедноты и, опираясь в своей работе на комбеды, проводить работы по выявлению хлебных излишков и их отчислению. Сданный хлеб принимался по ценам, установленным Компродом. У лиц, укрывающих хлеб, он экспроприировался бесплатно. Всего по концу 1920 г. в Турккеспублике было создано 42 рабочих продотряда численностью до 3000 человек. В 1921 г. количество продотрядов увеличилось увеличилась до 56.

В районах действия басмаческих соединений, прежде всего в Ферганской области, деятельность продовольственных отрядов оказалась невозможной. В июне 1920 г. ТуркЦИК и командование Туркестанского фронта региона издали приказ, согласно которому Ферганская область признавалась районом военных действий. Продовольственные органы передавали свои функции специально создаваемой Особой продовольственной комиссии по снабжению Туркфронта. Всему командному составу, воинским частям и учреждениям Туркестанского фронта приказывалось оказывать Особой продовольственной комиссии «всемерное реальное содействие к исполнению возложенных на нее заданий по снабжению армии и рабочего населения Ферганской области» (Иностранная военная..., 1964: 626–627).

Одним из элементов политики «военного коммунизма» в ауле и деревне Степного края и Туркестана стала система государственных натуральных повинностей, выступивших инструментом революционного принуждения. К их числу следует отнести трудовую, гужевую, военно-конскую и постоянную повинности.

Советское правительство пошло по пути создания правовой базы для введения в стране всеобщей трудовой повинности как основного элемента политики «военного коммунизма». Его основой стал декрет СНК РСФСР «О трудовой повинности по расчистке снеговых заносов», принятый 10 октября 1918 г. и делегировавший Советам право мобилизовать мужское население в возрасте от 18 до 45 лет для данного вида работ. Принятый в декабре 1918 г. Трудовой кодекс предусматривал введение в стране всеобщей трудовой обязанности и закреплял за Советами право в административном порядке привлекать к общественным работам население, не занятое общественно-полезным трудом (Кабанов, 1988: 190–191). Приказ Совета Обороны от 19 октября 1919 г. определил виды государственных повинностей, к числу которых были отнесены натурально-дровяная повинность, трудовая повинность по заготовке, погрузке и выгрузке всех видов топлива, гужевая повинность для подвоза топливных, военных, продовольственных и иных государственных грузов к городам, к железнодорожным станциям, пристаням и другим населенным пунктам. И, наконец, в январе 1920 г. был обнародован декрет СНК РСФСР, добавивший к видам работ, перечисленных в приказе Совета Обороны от декабря 1919 г. еще одну — засев сельскохозяйственных площадей.

На всероссийском уровне трудовой мобилизацией руководил Совет труда и обороны. Непосредственно задачами организации всеобщей трудовой мобилизации — созданный в его структуре Главный комитет по проведению трудовой по-

винности, руководимый Ф.Э. Держинским. В КазАССР и Туркестанской АССР в составе республиканских правительств были созданы Главные комитеты труда (Главкомтруда), имевшие областные, уездные и волостные низовые звенья.

В КазАССР к трудовой повинности региональные власти стали прибегать после окончания боевых действий в регионе — в 1920–1921 гг. При этом к исполнению повинности привлекалось как русское, так и казахское население. Так, казахи западных районов республики, численностью 30 тыс. чел., привлекались на астраханские рыбные промыслы Каспийского моря (ЦГА РК. Ф. 83. Оп. 1. Д. 68, 75). Не менее масштабной стала мобилизация 30 500 казахов и около 1400 подвод на строительство железнодорожной линии Александров-Гай — Эмба, призванной связать Эмбенский нефтяной район Западного Казахстана с Саратовом и бассейном р. Волги. Строительству транспортной артерии придавалось стратегическое значение, так как Эмбенский нефтеносный район являлся единственным источником топлива для Советской республики из-за потери большевиками контроля над Бакинским, Грозненским и Майкопским нефтяными районами (ЦГА РК. Ф. 83. Оп. 1. Д. 68. Л.115–170). 4000 рабочих-казахов по согласованию Главкомтруда РСФСР и руководства КазАССР были привлечены на строительство узкоколейных путей для вывоза соли на промыслах Усоляя Пермского края. Таким образом, география выполнения трудовой повинности населением республики выходила за ее административные границы.

Следует отметить, что в обстановке продолжающихся боевых действий трудовая мобилизация в КазССР проводилась крайне трудно и с использованием принудительных методов. По данным Е.И. Медеубаева «к местам отбывания трудовой повинности люди направлялись в сопровождении вооруженного конвоя, где сдавались по именованным спискам». Уклонявшиеся от мобилизации или самовольно покидавшие мобилизационные пункты привлекались к ответственности по законам военного-революционного времени как дезертиры (Медеубаев, 2001: 58). Необходимо также подчеркнуть, что мобилизационные кампании проводились в условиях организационной неразберихи, отсутствия согласованных плановых действий между соответствующими органами власти. На местах проведения работ не создавались необходимые условия жизни и инфраструктура, имелись проблемы с организацией питания, что порождало массовое дезертирство. Наиболее распространенной формой протеста против проводимой советской властью трудовой мобилизации стала откочевка казахских аулов в отдаленные и труднодоступные районы.

Внедрение в жизнь трудовой повинности в Туркестане было связано с региональным постановлением ТуркЦИК от 3 июня 1920 г., согласно которому к трудовой повинности привлекалось все мужское население в возрасте от 16 до 50 лет. Труд мобилизованных оплачивался по ставкам профсоюзов, срок трудовой мобилизации определялся в три месяца. Столь позднее издание декрета объяснялось как минимум двумя обстоятельствами. Во-первых, советские органы в случае введения трудовой повинности опасались вспышки недовольства со стороны коренного населения региона. Данные опасения не были беспочвенными — в 1916 г. в Туркестане вспыхнуло мощное народно-освободительное движение, принявшее

ярко выраженную антирусскую направленность. Поводом к движению стал указ императора Николая II периода Первой мировой войны о призыве на тыловые работы коренного населения Степного края и Туркестана. Во-вторых, в условиях окончания Гражданской войны и ликвидации Туркестанского фронта региональная администрация рассчитывала на перевод Туркестанской армии на трудовое положение. Таким образом возникала надежда на избежание необходимости трудовой мобилизации населения республики.

Однако этим надеждам сбыться не удалось. С 1920 г. в Туркестане началось проведение трудовой мобилизации. Труд мобилизованных использовался, главным образом, на работах, направленных на поддержание созданной еще в дореволюционный период ирригационной системы Сырдарьинско-Амударьинского бассейна, без которой развитие хлопководства и других агрикультур в регионе было фактически невозможно. Для обеспечения деятельности Народного комиссариата земледелия, Хлопкового комитета и ряда других отделов туркестанского правительства 24 декабря 1920 г. вышел приказ Совнаркома Туркеспублики и Реввоенсовета Туркестанского фронта о трудовой мобилизации специалистов сельского хозяйства, лесоводства, земельно-водного дела, шелководства и хлопководства, первичной обработки хлопка, государственного товарообмена и организации государственных кооперативов дехкан в возрасте от 16 до 60 лет. Мобилизации подлежали также военнослужащие перечисленных специальностей, находящиеся в рядах Красной армии (Иностранная военная..., 1964: 680–682).

Организация гужевого транспорта была возложена на специально созданную структуру — транспортно-мобилизационный отдел ВСНХ. В КазАССР его республиканский отдел сформировали в ноябре 1920 г. За короткий период Казбюро транспортно-мобилизационного отдела смогло поставить на учет весь наличный транспорт и организовать централизованное регулирование транспортных перевозок. Весь гужевого транспорта, находящийся у населения республики, брался на учет губернским комитетом транспортно-мобилизационного отдела, который выдавал наряды по перевозкам на этот транспорт. В условиях отсутствия развитой сети железнодорожного, речного транспорта, значительной отдаленности в степи населенных пунктов друг от друга основная тяжесть перевозок легла на тягловую силу — верблюдов, лошадей коренного населения и крестьян-переселенцев. Казахам-кочевникам Казревкомом рекомендовалось в период сезонных перекочевок «оставлять в аулах (на зимних стоянках) перевозочные средства или же нанимать постоянного возчика» (Медеубаев, 2001: 58).

В рамках перевозочной повинности население Степного края и Туркестана обязывалось предоставлять транспортные средства для проезда служащих государственных органов Советской власти. Не менее тяжелым бременем ложилась на плечи казахского кочевого населения военно-конская повинность, введенная декретом СНК РСФСР в июле 1918 г. для успешного формирования Красной армии. В октябре 1919 г. декрет Совета Обороны ввел обязательную закупку лошадей по рыночным ценам с разверсткой в среднем по 10 лошадей на волость. В 1920 г. военно-конские мобилизации в КазАССР проводились дважды. При этом действия специализиро-

ванных ведомств, ответственных за проведение повинности, а также экспедиций по закупке лошадей в корне разрушали основную отрасль казахского животноводческого хозяйства — коневодство.

Милитаризация труда рабочих в период «военного коммунизма» вылилась в создание трудовых армий. Их формирование было связано с завершением военных действий на территории РСФСР и актуализацией задачи восстановления экономики страны. В условиях нехватки рабочих рук было принято решение о целесообразности использования воинских соединений в народном хозяйстве. Соответствующая нормативно-правовая база была подведена декретом СНК РСФСР от 29 января 1920 г. «О порядке всеобщей трудовой повинности», ст. 1 которого содержала указания «об использовании частей Красной армии в качестве рабочей силы».

Как отмечает В.В. Цысь, изначально предполагалось, что в Туркестане на трудовом фронте будут использоваться части, временно освободившиеся от решения боевых задач. Однако таковых в Туркестане имелось немного. Близость границы, напряженная внутривосточная ситуация не позволяли привлекать к труду соединения Туркестанского фронта в сколько-нибудь широких масштабах. Поэтому руководство республики пошло по иному пути. Здесь трудовые части стали формироваться заново из населения, мобилизованного по трудовой повинности. Необходимо отметить, что вопрос об объединении гражданского населения в крупные трудовые подразделения, построенные по военному образцу, активно обсуждался в Центре. Трудовые мобилизации, конечно же, имели место и в других районах страны. Однако нигде принцип милитаризации труда не проявился так ярко и методично, как в Туркестане (Цысь, электронный ресурс).

Для этого 9 марта 1920 г. при Революционно-военном Совете Туркестанского фронта был создан отдел по организации трудовых частей войск Туркфронта с четырьмя отделами: оперативным, научной организации труда, снабжения, инструкторским. На образованные по приказу ТурЦИК краевой, областные, уездно-городские комитеты по проведению трудовой повинности были возложены функции по учету населения, мобилизации, распределению производственных заданий. Формирование трудовых частей и непосредственное руководство их использованием вменялось в обязанность Управления трудчастей.

Приказами по Туркестанскому фронту 19 апреля 1920 г. началось формирование 1-го Туркестанского рабочего полка из мужского населения Старого и Нового Ташкента; 2 июля 1920 г. — Закаспийского трудового отряда, 3 августа 1920 г. — Самаркандского отдельного рабочего батальона (Иностранная, военная..., 1964: 602–604, 617–622). 27 июля 1920 г. последовал новый приказ о привлечении к трудовой повинности уже всего сельского населения. Однако мобилизация не дала ожидаемых результатов. Так, например, для пополнения Самаркандского отдельного рабочего батальона намечалось мобилизовать 600 человек. В назначенные сроки для регистрации явились лишь 43 человека, включая лиц, освобожденных от трудовой повинности. Более успешными оказались меры по укомплектованию 1-го Туркестанского рабочего полка. К концу августа в его рядах насчитывалось 1010 трудармейцев и 40 человек командного состава (Нуруллин, 1975: 114, 120).

Труд гражданских рабочих и служащих использовался в первую очередь на предприятиях, обслуживающих фронт, на строительстве и восстановлении железнодорожных артерий. Все гражданские лица считались на действительной военной службе в районе боевых действий. В системе внутреннего распорядка трудовые части руководствовались Уставом Рабоче-Крестьянской Красной Армии, а их снабжение осуществлялось за счет фонда военного ведомства. При этом игнорировалось действующее трудовое законодательство, материальное стимулирование труда было заменено революционным принуждением рабочих (Иностранная военная..., 1964: 614–615).

Следует подчеркнуть, что методы и формы привлечения населения к трудовой повинности в Туркестане разрабатывались автономно, так как до весны 1921 г. в Управлении трудчастей Туркфронта не имели представления о том, как проводятся трудовые мобилизации в других районах страны, как устроены трудовые армии, как они взаимодействуют с гражданскими учреждениями и т.д. Всякого рода насильственные бессистемные действия властей, такие как облавы на базарах и улицах, переброски мобилизованных на большое расстояние от дома, вызывали рост недовольства, бегство в сопредельные страны, активизацию бандитизма. Поэтому уже с осени 1920 г. пришлось постепенно сокращать масштабы трудовых мобилизаций.

С октября 1920 г. начинается новый этап в деятельности трудовых частей Туркестана. Разгром войск Бухарского эмира, поражение отрядов басмачей в Ферганской долине позволили шире привлекать к хозяйственной работе боевые подразделения. К маю 1920 г. в Советской России на трудовое положение было переведено семь армий, в том числе армия Туркестанского фронта. С присоединением к ней частей Заволжского военного округа она преобразовалась во 2-ю Революционную армию труда. Труд ее состава использовался на строительстве железной дороги и нефтепровода Александров-Гай — Эмба Рязано-Уральской железной дороги на сельскохозяйственных работах и ремонте сельхозмашин (Иностранная военная..., 1964: 617–622).

Общая численность трудовых частей Туркфронта, достигнув максимума к февралю 1921 г. — 11 тыс. чел., в дальнейшем постепенно сокращалась: 7,6 тыс. — в апреле, 6,2 тыс. — в мае-июне, 4,3 тыс. — в августе, 3,15 тыс. — в сентябре, около 1 тыс. — в октябре 1921 г. По данным на июнь 1921 г., в подчинении Управления трудовых частей находились 1-й и 2-й Туркестанские рабочие полки, пять отдельных рабочих батальонов, пять рабочих и строительных рот, две отдельные штрафные роты, дислоцировавшиеся во всех областях республики. По данным на 1 августа 1921 г., из 3452 военнослужащих трудчастей Туркестана 846 было задействовано «на транспорте», 544 — «на топливе», 1298 — «на разных работах», 393 — на выполнении заданий военного ведомства. По оценке исследователей, в 1921 г. мобилизация рабочей силы в КазАССР и ТуркАССР достигла своей максимальной интенсивности (Цысь, электронный ресурс). Мобилизованных направляли не только в регионы Республик, но и в Центральную Россию, в Украину на Донбасс, в Белоруссию. Сложившаяся ситуация свидетельствовала о том, что в европейской части России существовал недостаток специалистов самых разнообразных специа-

лизаций. Несомненно также, что мобилизационные мероприятия и отток квалифицированных кадров из центральноазиатского региона страны значительно ослабили его экономический потенциал.

Подводя итоги, отметим, что большевики создавали и формировали методы «военного коммунизма», используя опыт экономической политики российского правительства в 1914–1917 гг. в условиях Первой мировой войны. И как считает большинство современных российских исследователей, использование ими «военнокоммунистических» форм и способов урегулирования экономической жизни страны оказались неизбежной мерой (Булдаков, Кабанов, электронный ресурс). Крах всероссийской финансово-кредитной системы исключал возможность содержать управленческий аппарат, армию и вести военные действия за счет прямых налоговых поступлений. Именно поэтому в аграрной сфере денежные налоги были заменены натуральными повинностями — продразверсткой, трудовой, гужевой, военно-конской повинностями. В промышленности произошла национализация, милитаризация труда, введена всеобщая трудовая повинность и т.д.

Реализация экстренных мер политики «военного коммунизма» в Степном крае и Туркестане имела свои особенности. Они были связаны прежде всего с тем, что большая часть территорий Степного края до весны — лета 1919 г. находилась под контролем белогвардейских сил. Поэтому реализация политики «военного коммунизма» здесь стала возможной гораздо позднее, чем в целом по РСФСР. В Семиреченской и Сырдарьинской областях Туркестана, где большевики сохранили свою власть, отдельные элементы политики «военного коммунизма» проводились в незначительном объеме с использованием более жестких методов ее реализации, чем в целом по стране. Это во многом объяснялось отдаленностью советских районов центральноазиатских окраин РСФСР от центра и столицы, нарушением военными действиями экономической жизни на значительной территории края, спецификой социально-экономической жизни коренных народов.

Форсированные социально-экономические преобразования 1918–1920 гг. по своим последствиям коренным образом изменили экономический облик Казахской и Туркестанской Автономных ССР. На VI Всеказахстанском съезде Советов, состоявшемся весной 1927 г., подчеркивалось, что за 1918–1920 гг. Казахский край в экономическом отношении был отброшен на многие десятилетия назад, уничтожению подверглось 75% хозяйственного потенциала республики. Колоссальный экономический ущерб был нанесен основным производительным силам центральноазиатского региона — кочевым и земледельческим хозяйствам. Стремление государства к нивелировке социального состава аула, кишлака и деревни привело к увеличению численности маломощных хозяйств, качественному их понижению как производственной единицы. В Туркестанской АССР за период с 1917 по 1921 г. число единоличных хозяйств сократилось на 16%, поголовье скота — на 58% (Медеубаев, 2001: 133). Бессистемная мобилизация транспортных средств и натуральные повинности еще в большей степени подрывали экономическую основу крестьянских хозяйств.

Сокращение посевных площадей и поголовья скота, ставшие следствием реализации военно-экспроприационных мероприятий военного времени, привели

к социально-экономической катастрофе в КазАССР — голоду 1921–1922 гг. Усугубили ситуацию неурожай 1921 г. По статистическим данным того периода нехватка хлеба для прокормления и семенного материала по Оренбургской, Актюбинской, Кустанайской, Букеевской губерниям и Адаевскому и Илецкому уездам составила 17,5 млн пудов. На начало мая 1921 г. численность голодающих в КазАССР составила 2 071 222 человека (Алексеев, 1998). В сложившейся ситуации руководство республики было вынуждено принимать экстренные меры. В июле этого года КазЦИК добился от Москвы признания за вышеперечисленными административными единицами статуса голодающих и отмены для них продовольственной разверстки.

Одним из результатов политики «военного коммунизма» стало изменение этнодемографической ситуации в КазАССР и ТурАССР. Во многом волонтаристские меры политики и голод 1920–1921 гг. усилили как внутри-, так внешнерегиональные миграционные потоки. С территории КазАССР аграрное население устремилось либо в Туркестан, либо в европейскую часть РСФСР, прежде всего Сибирь. Казахское население в знак протеста стремилось покинуть территорию республики в направлении Туркестана и Китая. По данным Всероссийской переписи населения 1897 г. удельный вес казахского населения составлял 81,2 %, по Всесоюзной переписи населения 1926 г. — 58,5% от общей численности населения республики (Краснобаева, 2004: 17–21).

У коренного населения Казахской и Туркестанской Автономных ССР мероприятия политики «военного коммунизма» ассоциировались с реквизициями периода Первой мировой войны, которые проводились Россией имперского периода. Поэтому они оценивали ее как продолжение Советами и большевиками имперской колониальной политики. Региональные органы власти признавали незаконность действий и диктаторских распоряжений особо уполномоченных лиц по проведению повинностей, игнорирование ими специфики условий жизни населения и особенностей ведения экономической деятельности. Колоссальный ущерб был нанесен коневодству и овцеводству региона. Данные обстоятельства приводили к еще большей отчужденности коренных народов от власти Советов и большевиков и порождали напряженность в межэтнических отношениях.

Неоспоримо, что для проведения мер политики «военного коммунизма» в Степном крае и Туркестане в аграрном секторе экономики у большевиков имелась социальная база — бедняцкие хозяйства русского крестьянства и коренного населения. Они оказывали помощь советским органам в выявлении зажиточных и середняцких хозяйств. Представляется, что и среди середняков имелись сочувствующие советской власти крестьянские хозяйства, которые оказывали помощь государству сдачей хлеба. И действительно, материалы архивных фондов содержат значительное количество примеров того, как крестьяне в 1920 г. «успешно выполняли продразверстку, украшали хлебные обозы красными флагами, сопровождая их отправку революционными песнями».

В то же время необходимо понимать, что крестьянство, как класс мелких товаропроизводителей, испытывало постоянные колебания из-за двойственности своего социального положения труженика и собственника. Под влиянием тягот, разрухи,

эсеро-кулацкой агитации в среде крестьян нарастало недовольство ограничениями политики «военного коммунизма». Оно усилилось во второй половине 1920 г., когда с целью преодоления последствий засухи и голода, поразившей центр страны, Советское правительство обязало крестьян Сибири и северо-востока Степного края в период с августа 1920 г. по июнь 1921 г. сдать чрезвычайный налог в размере 110 и 35 млн пудов соответственно.

Борьба за хлеб в такой ситуации становилась боевой задачей партийных и советских органов. Она проводилась, как и в целом по стране, по классовому принципу. Советская система учета и распределения продовольствия исходила из соотношения классовых сил в деревне и ауле и из наличия сложившихся типов хозяйств: земледельческие, земледельческо-скотоводческие и скотоводческо-земледельческие. Они, в свою очередь, делились на зажиточные (кулацко-байские), середняцкие и бедняцкие. Однако каких-либо инструкций и решений центра и конкретных нормах налогообложения различных типов хозяйств не поступало. Поэтому местные органы власти принимали в данном вопросе самостоятельные решения, допуская волюнтаризм в определении типов хозяйств. Очевидно, что классовый подход при распределении налогов в виде продрозверстки, осуществлявшийся большевиками в период «военного коммунизма» порождал дополнительную социальную напряженность в ауле и деревне, провоцировал «межклассовые» столкновения.

Следствием аграрной политики большевиков периода «военного коммунизма» в Степном крае и Туркестане стало массовое антибольшевистское крестьянское движение. На протяжении всего периода Гражданской войны зажиточное крестьянство — кулачество выступало непримиримым врагом диктатуры пролетариата. Примером может служить создание в 1920 г. Сибирского крестьянского союза на базе эсеровских организаций, казачества и зажиточного крестьянства. Своей политической задачей Союз провозгласил свержение большевистских сил в Сибири. В Степном крае комитеты Союза функционировали в Петропавловском, Кокчетавском, Акмолинском, Атбасарском, Каркаралинском, Семипалатинском и Усть-Каменогорском уездах (Григорьев, 1984: 77–78). Массовое партизанское движение против большевиков развернулось в Западном Казахстане, в Уральске в начале 1921 г. Отряды казаков под руководством Аистова, Пяткова, Сафонова, Сарафанкина, действовавших вдоль линии Покровск — Уральск, насчитывали до 6 тыс. человек (Григорьев, 1984: 139). В Туркестане в составе басмаческих соединений в 1920–1921 гг. воевала Крестьянская армия Монстрова (Иностранная военная..., 1964: 17).

Следует также отметить, что в период «военного коммунизма» в КазАССР и ТурАССР средством решения вопросов народного хозяйства стало использование методов силового нажима и угроз как инструмента гражданского принуждения. Нередко региональные военкоммунистические мероприятия являлись результатом «творчества и самостоятельности» региональных органов власти. Принудительно-волюнтаристский и командно-приказной стиль руководства советских управленцев и комиссаров являлся следствием их фанатизма и слепой веры в возможность скорейшего строительства общества коммунистического типа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеев А.Н. Население Казахстана. 1920–1990 гг. Алматы, 1998.
- Бордюгов Г.А., Козлов В.А. «Военный коммунизм»: ошибка или «проба почвы»? В кн.: История Отечества: люди, идеи, решения: очерки истории Советского государства. Москва, 1991.
- Булдаков В.П., Кабанов В.В. «Военный коммунизм»: идеология и общественное развитие. <http://library.ua/m/articles/view>.
- Григорьев В.К. Разгром мелкобуржуазной контрреволюции в Казахстане. 1920–1922. Алма-Ата, 1984.
- Декреты Советской власти. Москва, 1968. Т. 4.
- Елагин А.С. Социалистическое строительство в Казахстане в годы гражданской войны. Алма-Ата, 1966.
- Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». Москва, 1988.
- Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане: Документы и материалы. Алма-Ата, 1963. Т. I.
- Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане: Документы и материалы. Алма-Ата, 1964. Т. II.
- Иноятов Х.Ш. Народы Средней Азии в борьбе против интервентов и внутренней контрреволюции. Москва, 1984.
- КПСС и Советское правительство о Казахстане. 1917–1977 гг.: Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1978.
- Краснобаева Н.Л. Динамика численности и этнический состав населения Казахстана по данным I Всесоюзной переписи 1926 г. Известия Алтайского государственного университета, 2004, No 3, 17–21.
- Кунин А.И. У истоков социалистических преобразований в Южной Киргизии (1918–1920 гг.). Фрунзе, 1976.
- Медведь Е.И. Военный коммунизм в Казахстане: политика, практика, идеология (1918–1921 гг.). Актобе, 2001.
- Нуруллин Р.А. Борьба Компартии Туркестана за осуществление политики «военного коммунизма». Ташкент, 1975.
- Павлюченков А.У. «Военный коммунизм» в России: власть и массы. Москва, 1997.
- Тугов П.И. некоторые вопросы продовольственной политики Советской власти в Казахстане в 1917–1920 гг. В кн.: Из истории Октябрьской революции и Гражданской войны в Казахстане. Алма-Ата, 1962. Т. 13.
- ЦГА РК — Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Цысь В.В. Трудовые части Туркестана в период гражданской войны. URL: <https://wfi.lomasm.ru/%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8>.

Яковенко Л.И. Продовольственная программа Коммунистической партии и ее осуществление в Туркестане. Душанбе, 1974.

REFERENCES

Alekseyenko, A.N. (1998). *Naseleniye Kazakhstana. 1920–1990 gg.* [The population of Kazakhstan. 1920–1990 years], Almaty. [in Russian]

Bordyugov G.A., Kozlov V.A. «Voyenny kommunizm»: oshibka ili «proba pochvy»? [“Military Communism”: an error or “soil test”]. In: *Istoriya Otechestva: lyudi. idei. resheniya: ocherki istorii Sovetskogo gosudarstva* (1991). Moscow. [in Russian]

Buldakov, V.P., Kabanov, V.V. «Voyenny kommunizm»: ideologiya i obshchestvennoye razvitiye [“Military Communism”: ideology and social development]. Available at: <http://library.ua/m/articles/view>. [in Russian]

Grigoryev, V.K. (1984). *Razgrom melkoburzhuznoy kontrevolyutsii v Kazakhstane. 1920–1922* [The defeat of the petty-bourgeois counter-revolution in Kazakhstan. 1920–1922]. Alma-Ata. [in Russian]

Dekrety Sovetskoy vlasti [Decrees of the Soviet Government] (1968). Moscow, vol. 4. [in Russian]

Elagin, A.S. (1966). *Sotsialisticheskoye stroitelstvo v Kazakhstane v gody grazhdanskoj vojny* [Socialist construction in Kazakhstan during the Civil War]. Alma-Ata. [in Russian]

Kabanov V.V. *Krestianskoye khozyaystvo v usloviyakh «voynnogo kommunizma»*. [Peasant farming in the conditions of “war communism”]. Moscow, 1988. [in Russian]

Inostrannaya voyennaya interventsia i Grazhdanskaya vojna v Sredney Azii i Kazakhstane [Foreign military intervention and the Civil War in Central Asia and Kazakhstan]. *Dokumenty i materialy* (1963). Alma-Ata, vol. I. [in Russian]

Inostrannaya voyennaya interventsia i Grazhdanskaya vojna v Sredney Azii i Kazakhstane [Foreign military intervention and the Civil War in Central Asia and Kazakhstan]. *Dokumenty i materialy* (1964). Alma-Ata, vol. II. [in Russian]

Inoyatov, Kh.Sh. (1984). *Narody Sredney Azii v borbe protiv interventov i vnutrenney kontrevolyutsii* [The peoples of Central Asia in the struggle against interventionists and internal counter-revolution]. Moscow. [in Russian]

KPSS i Sovetskoye pravitelstvo o Kazakhstane. 1917–1977 gg. [The CPSU and the Soviet government on Kazakhstan. 1917–1977 years]. *Sbornik dokumentov i materialov* (1978). Alma-Ata. [in Russian]

Krasnobayeva, N.L. (2004). *Dinamika chislennosti i etnicheskij sostav naseleniya Kazakhstana po dannym IVsesoyuznoy perepisi 1926 g.* [Dynamics of the number and ethnic composition of the population of Kazakhstan according to the data of the All-Union Census of 1926]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 3, 17–21. [in Russian]

Kunin, A.I. (1976). *U istokov sotsialisticheskikh preobrazovaniy v Yuzhnoy Kirgizii (1918–1920 gg.)* [At the origins of socialist transformations in South Kyrgyzstan (1918–1920)]/ Frunze. [in Russian]

- Medeubayev, E.I. (2001). *Voyennyy kommunizm v Kazakhstane: politika. praktika. ideologiya (1918–1921 gg.)* [Military communism in Kazakhstan: politics. practice. Ideology (1918-1921)]. Aktobe. [in Russian]
- Nurullin, R.A. (1975). *Borba Kompartii Turkestana za osushchestvleniye politiki «voyennogo kommunizma»* [The struggle of the Communist Party of Turkestan for the implementation of the policy of “war communism”]. Tashkent. [in Russian]
- Pavlyuchenkov, A.U. (1997). «Voyennyy kommunizma» v Rossii: vlast i massy. [“Military Communism” in Russia: power and the masses]. Moscow. [in Russian]
- Tugov P.I. (1962). *Nekotoryye voprosy prodovolstvennoy politiki Sovetskoy vlasti v Kazakhstane v 1917–1920 gg.* [Some questions of the food policy of Soviet power in Kazakhstan in 1917–1920]. In: *Iz istorii Oktyabrskoy revolyutsii i Grazhdanskoй voyny v Kazakhstane*. Alma-Ata, vol. 13. [in Russian]
- TsGAR K. *Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Kazakhstan*. [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan]. [in Russian]
- Tsys V.V. *Trudovyye chasti Turkestana v period grazhdanskoй voyny*. [Labor units of Turkestan during the Civil War]. Available at: <https://wfi.lomasm.ru/%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8>. [in Russian]
- Yakovenko L.I. (1974). *Prodovolstvennaya programma Kommunisticheskoy partii i eye osushchestvleniye v Turkestane* [The Food Program of the Communist Party and its implementation in Turkestan]. Dushanbe. [in Russian]